

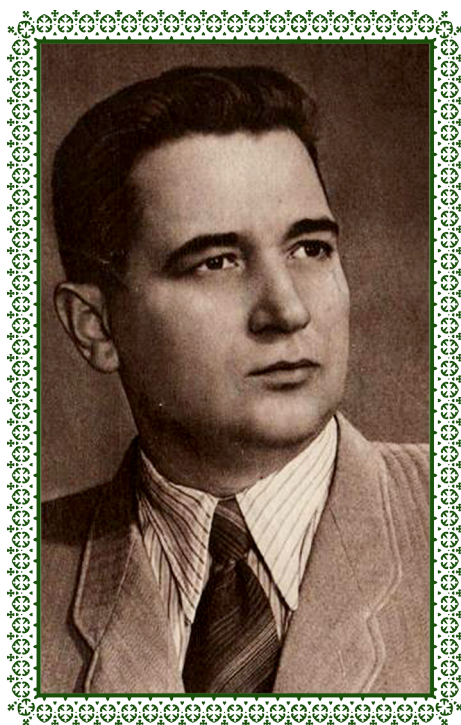
КЛАССИКИ НАРОДОВ
РОССИИ:
ОЛЕСЬ ГОНЧАР

Дайджест

ЕКАТЕРИНБУРГ 2013

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

Классики народов России: Олесь Гончар

Олесь Гончар

83.3(4Укр)

К 47

Редакторская коллегия:

Автух Ф.Р.

Колосов Е.С,

Лебедева Т.В.

Ошуркова Е.Н.

Шурманова Т.В,

Классики народов России: Олесь Гончар : дайджест / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека ; сост. : С.А. Гавриш ; вёрстка : Е.В. Арапова. - Екатеринбург : СОМБ , 2013. - 60 с.

Ответственный за выпуск: Колосов Е.С.

Содержание

• Вступление.....	6
• Биография Олеся Гончара.....	7
• Красота и сила человеческого чувства: военные новеллы о любви.....	12
• Духовное богатство человека в романах О. Гончара.....	19
• Цитаты из романа «Собор».....	48
• Награды и премии.....	49
• Литературное наследие и экранизации.....	50
• Заключение.....	54
• Список литературы.....	55

Вступление

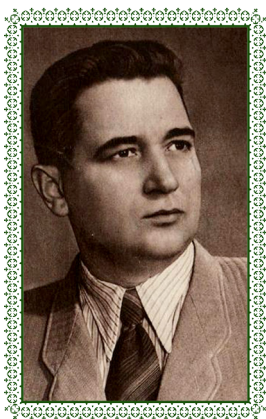

Украинскому писателю Олеся Гончару, который еще при жизни стал классиком, 3 апреля 2013 г. исполнилось бы 95 лет. Его имя знает каждый, даже если не каждый знаком с его творчеством. В историю украинской литературы XX в. этот легендарный автор вписал очень яркую страницу.

Современник Гончара, украинский писатель Евгений Гуцало, так сказал о нем: «Творчество Олеся Гончара отличается резко индивидуальным колоритом, он целиком органический, и его никогда не спутаешь с другим. Мягкая задушевность, тонкое лирическое чувство, ненавязчивый романтический аромат, на которых лежит печать самобытной писательской личности».

Гончар стремился поставить свое перо на службу родному народу, писать обо всем, чем он живет. «Самое важное, мне кажется, для писателя на протяжении всей его жизни не потерять чувство единства», — так считал художник. Одна из характерных особенностей прозы Олеся Гончара — ее поэтичность и философская настроенность. Книги писателя обладают огромной силой эмоционального воздействия. Они становятся подлинным воспитателем чувств и вместе с тем учат понимать и оценивать смысл исторических событий в их связи с современностью.

Биография

*Человек не песчинка, а творец истории,
способный влиять
на современность и на будущее.*

О. Гончар

Александр Терентьевич Гончар — украинский советский писатель, публицист. Литературное имя — Олесь Гончар. Является одним из крупнейших представителей украинской художественной прозы второй половины XX в.

Родился 3 апреля 1918 г. в слободе Суха (ныне село Сухое Кобелякского района Полтавской области Украины) в семье рабочих Терентия Сидоровича и Татьяны Гавриловны Гончаров. Отец работал в колхозе, погиб в 1918 г. от немецкой авиабомбы. Мать работала на заводе металлоизделий. После ее смерти в 1921 г. Олесь забрали к себе его дед и бабушка. Добрая и любящая бабушка заменила мальчику мать. Ее ласка и сердечность согрели детство будущего писателя, научили любить людей. «В ее нежной людинолюбной натуре, в ее образе будто воплощалось для меня все лучшее, что с нашего народа: трудолюбие, честность, правдивость, безграничная доброта, одаренность. Эта вечная труженица, темная, необразованная, но исключительно отзывчивая к чужому горю женщина своей широкой человечностью стоит для меня рядом с теми, чьи творения нас захватывают и кого мы называем за их деятельность настоящими гуманистами», — так высоко возносит Олесь Гончар эту неграмотную женщину.

С 1925 г. Олесь учился в родном селе, потом в селе Хорошки. В 1933 г. окончил семилетнюю школу в селе Броусовка. Писать Олесь

начинает еще в детстве. Большую роль в этом сыграл любимый учитель языка и литературы, который сумел привить «пылкую любовь до родного слова, изящной словесности». Кстати, именно он и стал называть Гончара Олесем. Там же, в школе, появляются и первые печатные выступления будущего писателя: корреспонденции в районной газете «На смену» и в журнале «Пионерия».

После окончания семилетки в 1933 г. Гончар работает в Козельщинской районной газете. Литературный талант парня был замечен, и в 1934 г. он по комсомольской рекомендации поступает в Харьковский техникум журналистики им. Н. Островского. После его окончания в 1937 г. сначала работает учителем в селе Мануйловка, затем получает назначение в Харьковскую областную комсомольскую газету «Ленинская смена». Олесь начал публиковать в республиканских изданиях «Литературная газета», «Комсомолец Украины», «Молодой большевик» свои произведения. В основном это были короткие рассказы.

Молодой литератор остро почувствовал потребность в дальнейшем обогащении своих знаний, повышении образовательного уровня. И в 1938 г. он поступает на философский факультет Харьковского университета. О своей альма-матер писатель вспоминает с теплотой и любовью: «Университет на целых три года стал родным домом, одарил счастьем дружбы, в его аудиториях, в тиши библиотек узнавали мы радость приобщения к казне человеческих знаний, здесь испытали наслаждение и восторг творческого труда». Олесь со всем пылом души погружается в кипучую студенческую жизнь: овладевает богатствами родной и мировой литературы, изучает языки, пишет научный труд о художественном мастерстве М. Коцюбинского. В то же время он собирает материалы для романа о выдающемся украинском философе и писателе Г. Сковороде. За время учебы им были написаны новеллы «Иван Мостовой», «Черешни цветут», «Орленок», повесть «Стокозово поле».

В библиотечном читальном зале университета и застало молодого писателя известие о войне. Он вспоминал: «Одним ударом были сломлены все наши студенческие светлые мечты, надежды. Невыразимо тяжело было на душе. Мраком окутывалось будущее».

На фронте Гончар воевал солдатом, старшим сержантом, стар-

шиной минометной батареи, пережил два ранения, контузию, плен, концлагерь, участвовал в заграничном походе советской армии — дошел до Праги. Весь его путь войны был достойным и честным. Свидетельством тому — Орден Славы, Красной Звезды и три медали «За отвагу».

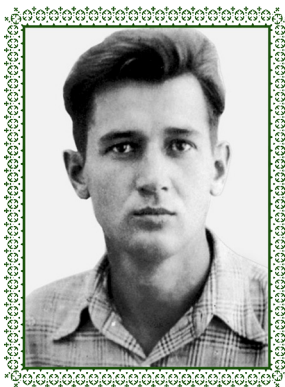
Там, в «окопных университетах», Гончар продолжает писать. Стихотворения, которые рождались в перерывах между боями, сам писатель назовет впоследствии «конспектами чувств», «поэтическим черновиком для будущих произведений». О чем же писал старший сержант-минометчик? Вспоминает родной край: «Я напишу — Украине! / Солнцу и ее степям...»

Пишет о фронтовых дорогах, о верных боевых товарищах.

Гончару было предложено перейти в редакцию дивизионной газеты. Но он считал, что его место в окопах, на переднем крае. И остался со своими боевыми побратимами до конца, до последнего выстрела войны.

После демобилизации Олесь Гончар уехал в Днепропетровск, продолжил учебу в университете. После окончания обучения его оставляют ассистентом кафедры истории украинской литературы.

Первое послевоенное произведение — новелла «Модры камень», напечатанная в 1946 г. в журнале «Украина». В это время увидела свет и первая часть трилогии «Знаменосцы» — роман Альпы».

В 1946 г. писатель поступает в аспирантуру Института литературы им. Т. Г. Шевченко и переезжает в Киев. Напряженная работа продолжается: в начале 1947 г. увидела свет вторая книга «Знаменосцев» — «Голубой Дунай», через год — последняя — «Злата Прага». Роман «Знаменосцы», повествующий об освободительной миссии Советской Армии в Европе, был замечен официальными властями и критикой. Молодой писатель получил признание власти — Государственную премию, и, главное, читателей.

В 1950-е гг. Гончар продолжает обращаться к теме Отечественной войны. В 1956 г. выходит повесть «Партизанская искра» об

одноименной подпольной молодежной организации, которая действовала в селе Крымчане под Одессой. Но вместе с военной начинает звучать и новая тема — мирная жизнь людей. («Микита Братусь», 1950; «Пусть горит огонек», 1955).

В эти годы начинается общественная и публицистическая деятельность Олеса Гончара. Он совершает заграничные поездки, итогами которых становятся книги очерков «Встречи с друзьями» (1950 г.), «Китай вблизи» (1951 г.). В 1959 г. писатель избирается председателем Союза писателей Украины, секретарем Союза писателей СССР.

В 1960 г. напечатан роман «Человек и оружие», открывающий новую страницу в творчестве писателя. Он основан на воспоминаниях автора о студенческом добровольческом батальоне времен войны. Роман был удостоен национальной премии Украины им. Т. Г. Шевченко. В 1970 г. была написана вторая часть дилогии — роман «Циклон».

Первое крупное произведение Гончара, посвященное мирной жизни, — роман в новеллах «Тронка» (1963 г.). Он построен в виде своеобразного «венка новелл», раскрывающих разные стороны жизни простых людей, жителей украинских степей. Роман был удостоен Ленинской премии (1964 г.).

Вершина творчества писателя — роман «Собор» (1968 г.). В центре его повествования — борьба за возрождение духовности, за историческую память народа как основу порядочности в отношениях между людьми.

В произведениях позднего периода Гончар продолжал поднимать морально-этические темы современности (роман «Твоя заря», 1980 г.), тему романтики юношеских поисков (повесть «Бригантина», 1973 г.).

В 1980 г. выпустил книгу «Писательские размышления», в которой подводил итоги своей деятельности.

В 1962–1990 гг. — депутат Верховного Совета СССР, в 1971–1986 гг. — кандидат в члены ЦК КПСС. Был членом редакционной коллегии журнала «Роман-газета».

С началом перестройки и обретением Украиной независимости Гончар активно включился в общественную жизнь, был инициа-

тором создания Общества Украинского языка и Народного Руха Украины. В 1990 г. вышел из КПСС. Свои взгляды на пути развития независимой Украины высказал в книге «Чем живем. На пути украинского возрождения» (1991 г.). Почетный доктор Альбертского университета (Канада, 1992 г.), признан Всемирным интеллектуалом Кембриджским университетом (1993г.).

Умер Олесь Гончар 14 июля 1995 г. в Киеве. Похоронен на Байковом кладбище.

Красота и сила человеческих чувств: военные новеллы о любви

Новеллы О. Гончар писал на протяжении всей жизни. И хотя они представляют сравнительно небольшую частицу творческого наследия писателя, не являются второстепенными среди его произведений. Постоянное обращение к малому жанру было закономерно для О. Гончара, так как поэтическое мировоззрение художника могло проявиться именно здесь. В лучших новеллах для него характерен индивидуальный стиль мышления, обобщения сведены к минимуму. Внимание художник сконцентрировал на конкретном человеке, его внутреннем мире, наполненном чувствами и эмоциями. Автор в небольшие по объему произведения смог вместить всю глубину человеческих чувств. Заметной чертой новелл о любви являются сугубо положительные герои: симпатичный человек, красивый душой, с глубокими мыслями и чувствами. Этот человек любит пылко и преданно, его видение любимого человека безоблачно. За такую любовь можно отдать жизнь. Все новеллы написаны под впечатлением от фронтовых воспоминаний.

Новелла «Модри Камень»

В этой новелле молодой писатель рассказал о светлом чувстве любви, которое вспыхнуло в сердце советского солдата к словацкой девушке Терезе, чувстве, которое трагически оборвалось, не успев и расцвести. Повествование ведется от лица партизана, оказавшегося военными дорогами в Чехословакии. Там и встречается он Терезу.

«Было морозно и пустынно, когда я постучал в твое окно... Медленно открылась дверь. Я вошел в комнату, держа автомат наготове. Нажал кнопку фонарика. В полосе электрического света

замерла у стола испуганная мать, а ты возле высокой кровати застыла в удивлении, закрыв грудь распущенными косами. Я погасил фонарик и сказал, чтобы завесили окна. Мать зажигала лампу, и спичка дрожала в ее руке. Ты встала на стул, босая, чтобы закрыть окна. Соскочив со стула, ты стала передо мной. Только сейчас я заметил, как разодран мой белый халат. Ты тоже была в белом платье, а на рукаве чернела повязка... Ты протянула мне руку. А мои были красные, застывшие, в грязных бинтах».

«Ты налила в таз теплой воды. Я пытался размотать свои руки, но онемевшие пальцы не слушались.

— Дайте я!

Пальцы твои были ловки и полны нежного тепла. Было совсем не больно, когда ты отдирала окровавленный бинт. Ты бросила его куда-то в угол, а мои руки, распаренные и какие-то необычно легкие, завязала марлей, сухой и мягкой.

— Мы ж вас долго ждали... товарищ!

И пристально смотрела мне в глаза. Я ощутил, как тыходишь в мое сердце».

Солдатам нужно было идти дальше. Тереза вышла провожать бойца.

«Ты идешь впереди, закутавшись в платок, легко перепрыгивая с камня на камень. Останавливаемся над шоссе, словно над белой пропастью... Ты объясняешь, как лучше пробраться к мельницам, и, сняв варежку, подаешь на прощание руку.

— Как вас зовут?

Тонкая чуткая рука дрожит и согревает меня. В этот момент я посмотрел на горы, на отточенный ветрами камень, и он был для меня уже не таким чужим.

— Мы еще встретимся, Тереза. Мы не можем не встретиться!

Ты стояла задумавшись.

— У меня такая думка, что это сама судьба свела нас здесь.

— Ты будешь ждать?

— Пусть господь бог видит, что буду».

Но встретиться им было не суждено. Тереза погибла от рук полиция. Радость и счастье обрываются вмиг, остался только силуэт странного чувства, которое так и не успело наполниться высоким

содержанием. Но любовь продолжает жить в памяти солдата, в его мечтах, в которых он разговаривает с Терезой, как с живой.

«Померкло в памяти, стерлось все. Даже то, что называют незабываемой первой любовью. Почему ж эта случайная встреча, один взгляд, почему он не меркнет и, чувствую, никогда не померкнет? Ты как живая. Я закрываю глаза и вижу: ты опять ступаешь на деревянное резное крыльцо в легком белом платье и черной повязкой на рукаве и смотришь вниз, за Модры Камень, где когда-то проходила наша оборона. Теперь всюду проросла буйная трава...

В такие часы мы часто встречаемся с тобой и, усевшись на теплом камне, подолгу разговариваем:

Тереза. Где вы так долго были?

Я. Все уже кончилось. Теперь нас ничто не разлучит.

Тереза. Никогда?

Я. Никогда.

Тереза. Как это хорошо, что мы будем всегда вместе! Я так долго ждала вас после той зимней ночи: мне кажется, не меньше тысячи лет!

Я. А мне кажется, что я столько же шел к тебе.

«Модри Камень» — это гимн любви молодых сердец. Сюжет его прост, но он вмещает в себе основную мысль: сила любви сильнее, чем смерть.

Новелла «За миг счастья»

Этот рассказ — маленький шедевр Олеся Гончара. В нем писатель показал красоту и силу чувства любви, любви, за которую можно отдать жизнь. Эту новеллу можно назвать поэмой в прозе.

Последние дни войны, Венгрия. Главный герой — артиллерист, украинец Саша Диденко, совсем еще молодой человек, но он уже прошедший войну, видевший бесчисленные горе и ужас. Он сильно жаждет любви. Не удивительно, что венгерская крестьянка Лариса, которая ответила солдату взаимностью, представилась ему такой необыкновенной красавицей.

«Показалась из-за клады и жница; поправляя сноп, она поглядывает на шлях, улыбается солдату. Красная, как жар, кофточка по-

лыхает на ней. Волосы темные свободно спадают на плечи. Юбочка короткая — загорелые ноги блестят. Взяв в руки кувшин, жница запрокидывает голову и пьет, но и тогда она, кажется, не перестает одним глазком весело косить на дорогу. Опустив кувшин, она смело улыбается солдату, словно подзуживает, подзывает к себе этой улыбкой: «Иди, напою и тебя...». «Ах, эти очи, в которых затаились бездна страсти и нежности, и эта кофточка алая, ветхая, что расплзается на смуглом теле, и эти орошенные жатвенным потом, полуоткрытые, полуоголенные перси... Ничто в ней не боялось его, все как будто только и ждало этого мгновения, этой встречи с ним, и в доверии своем становилось ему родным».

«Чувствуя, как у него захватывает дух от нежности, взял ее руку, маленькую, твердую в свою большую, грубую. Она не отдернула руки, не вырывалась, а широко открытыми глазами, ясными и лучистыми, как бы благодарила за то, что он обошелся с нею так ласково.

— Лариса... Лариса... — тихонько повторял он.

А она глядела на него так преданно, как будто всю жизнь ждала именно его.

В черной волне волос, рассыпавшихся по плечам, заметил серебристую ниточку, и это отозвалось в его сердце: что так рано ее посеребрило? Какие беды, какие печали? И он исполнился еще более горячим чувством ней, желанием сберечь, защитить ее, разделить с нею то горе, которое она, видимо, уже извела в жизни.

Были сказаны какие-то слова — он говорил их по-своему, она — по-своему, и хотя это более походило на язык птиц, да и слова предназначались не для того, чтобы их понять, однако и этот счастливый разноязыкий лепет сближал их еще больше.

Вдали косарь звучно отбивал косу, и перепел профурчал в воздухе, как тяжелый осколок, а здесь, возле нее, солнцем пахли снопы, и она сама, казалось, источала аромат солнца и снопов. Всю бы жизнь не выпускал он ее руки из своей, глубина ее глаз манила, влекла, густовишневые губы были так доверчиво близко. Солдат припал к ним. А она как будто только и ждала этого порыва, пылко обвила парня руками и, запрокинутая на снопы, отдаривала его жарким поцелуем страсти, благодарности и отваги. Снопы разле-

зались, растекались под ними как золотая вода, опьяняли запахами солнца, а они пили этот напиток сладостно, ненасытно...»

Так сложилось, что Саше пришлось убить мужа Ларисы. «В тот же день Диденко сидел на гауптвахте». Но женщина не отреклась от него, хотя для этого ей пришлось идти против родни и общества, поломав свою жизнь.

«Лариса протянула ему сквозь амбразуру свои руки, темные, будничные руки, знавшие, видно, всякую работу, а он, схватив их, стал исступленно покрывать поцелуями. Часовые из деликатности отвернулись, но все равно до них доносился то ее голос, лепетавший что-то нежно, то его, исполненный глубочайшего чувства:

— Зоренька моя! Цыганочка! Ясочка! Ластонька! Моя горлянка! Счастье мое, чернобровое!

Откуда только брались у него, грубого артиллериста, эти слова-ласки, эти напевы души, песни ей, той единственной, которая как будто и в самом деле принесла ему счастье, подняла своею любовью на какие-то доныне не ведомые вершины... Что знал до сих пор, что видел, чем жил? Смерть одну только видел, воронки, да грязь, да смрад войны, только и умел что снаряды фуговать, а вот появилась она, как с неба, солнечным духом снопов, дыханием самой жизни овевала тебя. Просунув руки в амбразуру, она гладила ладонями лицо любимого, трепетно голубила, ласкала, и нестерпимо было смотреть часовым на эту нежность, смотреть, как, приблизив лицо к лицу, уже плачут они оба — и он, и она. Как будто предчувствовали то, что уже недалеко было».

Диденко приговорили к расстрелу. Спасти его могло только чудо. Но чудо не произошло. Приговор был приведен в исполнение.

Любовь в этой новелле такая проникновенная, настолько внезапная и пронзительная, что не прислушиваешься к голосу разума. За такую любовь положена жизнь, но миг счастья стоит того, чтобы ни о чем не жалеть. Этот рассказ — будто ключ к пониманию философии О. Гончара, его стремлению к идеальному, к свободе. Он понимал, что абсолютная свобода возможна лишь в сфере чувств, так как лишь она не подчиняется никому и ничему.

Новелла «Усман и Марта»

Еще один светлый рассказ о первой любви. Любви между латышской девушкой Мартой и ординарцем командира батареи Усманом. Повествование ведется от лица однополчанина Усмана.

«Было это в Латвии. После многодневного наступления в условиях изнуряющего фронтового бездорожья нам выпала наконец передышка, и мы остановились батареей на одном хуторе, глухом, полуразрушенном, затерявшемся среди болот и березняков. Хозяин хутора не отличался особой приветливостью, хозяйка тоже была довольно сдержанна, скупа на слово; зато их дочка — белокурая, совсем еще юная девушка — тянулась к бойцам с открытым сердцем и не скрывала своего восторга от прихода наших войск.

Звали девушку Марта. Резвая, быстроногая, она успевала побывать повсюду, носилась по двору во все стороны, мелькая белыми, как лен, косичками, шурша на бегу своей длинной широкой юбкой и фартучком. От ее присутствия весь двор казался нам веселее, одним своим видом как бы скрашивала угрюмую природу этого края. Вскоре после прибытия на хутор все мы заметили, что слишком уж ярко рдеют девичьи щеки и что чаще всего Марта, напевая, пробегает там, где стоит самый молодой из нас, подтянутый, стройный, как стебель, ординарец командира батареи Усман.

Воспитанник батареи, он был общим любимцем, от нас у него не было тайн, и поэтому вся батарея знала, что ни одна девушка еще не обнимала, не целовала Усмана — все волшебство первой любви было у него впереди.

Усман не скрывал от нас своего увлечения Мартой, своих пылких юношеских чувств, и первая их любовь, разгораясь, как утренняя заря, над ними двумя, отбрасывала свои отсветы и на всю батарею.

Удивляло одно: о чем и как могли они разговаривать, этот смуглый юноша из Самарканда и белокурая латышская девушка? Марта почти не знала русского языка, Усману он тоже давался нелегко, а между тем это был единственный язык, на котором они только и могли понять друг друга».

Но пришла пора расстаться. Батарея получила приказ продвигаться вперед.

«Посреди двора, на виду у всех, Усман прощается с Мартой. Они вовсе не замечают ни поникших, опечаленных родителей, стоящих на крыльце, ни того, что за ними наблюдают десятки глаз из кузовов машин: для них, для влюбленных, в это мгновение никого и ничего на свете не существует!

Обильные светлые слезы градом катятся по щекам девушки, а она, улыбаясь, как солнце сквозь дождь, все держит руку парня в своей руке, все вглядывается в него, в своего избранника, который стоит перед нею, словно ослепленный, словно зачарованный...

Машины набирают скорость, Марта еще некоторое время бежит за ними по обочине, что-то кричит, машет вслед рукой, и льняные ее косички беспомощно болтаются в воздухе. Усман, исступленно вцепившись в борт, побледневший, со страдальческим выражением лица, тоже что-то кричит ей в ответ на своем гортанном, никому здесь не понятном языке...

С этого дня Усман стал ждать письма от Марты.

Долгожданное письмо пришло, но на не известном латышском языке. Когда его все-таки удалось прочитать, юноша узнал, что Марта «клялась в своей верности, писала, что образ Усмана все время стоит перед нею, снится ей... Словом, все было так, как бывает в письмах влюбленных девушек».

Следующее письмо было написано уже по-русски.

«Со временем затерялись для меня следы Усмана и Марты. Не знаю, где они встречаются сейчас вот эти предвесенние зори, это свежее дыхание молодого мартовского ветерка... Но где бы они ни были, я почему-то уверен, что оба они счастливы».

Эта новелла преисполнена такой нежности, которой хочется радоваться вместе с юными сердцами молодого солдата и латышской девушки.

Духовное богатство человека в романах О. Гончара

Олесь Гончар — выдающийся романист. К жанру романа он обращался на протяжении всей творческой жизни. Главные романы, принадлежащие перу писателя: «Знаменосцы», «Человек и оружие», «Циклон», «Собор».

Эти произведения роднит героико-романтический пафос в отображении жизни и борьбы народа. Основным материал писателя для создания романов — углубление в жизнь, проникновение во внутренний мир человека. В своих романах автор художественно исследует жизнь нескольких поколений украинского народа. Его любимые герои — труженики и воины, мыслители и творцы, люди с развитым чувством прекрасного.

Роман-трилогия «Знаменосцы»

В творческой судьбе Гончара этот роман сыграл особую роль: сразу выдвинул его в первые ряды украинских советских писателей. Произведение родилось из пылкого желания «воскресить» погибших боевых товарищей. В трилогии нашел свое отражение завершающий победный этап войны. Действие романа начинается летом 1944 г. Советские войска вступили на западную границу СССР и пошли дальше, освобождая народы Румынии, Венгрии, Чехословакии от фашизма.

Образ Победы впервые предстал в своих зримых очертаниях уже не только как далекая цель и мечта, а как нечто реальное, заво-
еванное.

«Граница! Мы снова вернулись сюда, и часовой встал на том са-
мом месте, где он стоял 22 июня 1941 года. Мы ничего не забыли,
но многому научились. Мы живы, возмужавшие и умудренные
опытом. А жив ли ты, вражеский пилот, с Железным крестом на
груди, ты, который в то далекое черное воскресенье сбросил пер-
вую бомбу со своего самолета на наш пограничный пост? Думал ли
ты тогда, что не пройдет и трех лет, как бойцы нового, рожденного
в боях 2-го Украинского фронта в своих зеленых бессмертных гим-
настерках вновь появятся на берегах этой реки и переплывут ее?
«Судьба!» — сказал бы ты. Да! Судьба справедливых армий всегда
прекрасна».

Но цена победы была безмерно высокой. Автор хотел изобра-
зить войну настоящую, реальную, с ее страданиями, кровью и по-
том, с ее тяжелой солдатской судьбой. Поэтому трагические ноты
пронизывают роман насквозь.

Образ народа предстает в трилогии как коллективный герой и
воспринимается как символ фронтового братства — знаменосцев.
Рассказ о боевом пути одного подразделения вырос в эпическое
повествование о великом походе великой армии, которая несет Ев-
ропе освобождение и мир.

В тоже время Гончар показывает нам отдельных солдат этой ар-
мии, удивительно разных, нередко чуть ли не противоположных.
Страшна была война, но и на войне были люди с горячими сердца-
ми, люди высокой духовной силы и величия.

Таким является сержант Казаков: «Коренастый, плечистый сер-
жант. Голова его, с золотисто-рыжими, подстриженными под бокс
волосами, все время тянулась вперед, а руки были согнуты в лок-
тях так, словно он подкрадывался, чтобы внезапно накрыть пере-
пела, притаившегося в траве. Этот рыжий солдат отбывал службу
в 1941 году именно здесь, на границе. Сейчас он довольно комич-
но, жестами и восклицаниями изображал, как их впервые бомби-
ли. Смешнее всего сержант показывал, как он сам искал укрытия
в лозняке, как каждая ямка казалась ему слишком мелкой, и он

прямо вгрызался в землю зубами, а вражеский самолет охотился за ним, как ястреб за полевой мышью. Сейчас сержант по-тигриному выгибал свою кряжистую, широкую спину, вспоминая, видимо, как мурашки бегали тогда по ней».

Замполит майор Воронцов, Герой Советского Союза. Сдержанный, исполненный скрытой внутренней силы. Он больше всего любил свой родной полк. Воронцов был «матерью» полка.

«Политрук роты под Сталинградом, герой Днепра, он вырос за это время до заместителя командира полка по политчасти. Это гвардейский стрелковый полк невозможно было себе представить без Воронцова. Другие могли болеть и ложиться в медсанбат. Воронцов должен был болеть в полку, не допуская и мысли, что можно поступить как-то иначе. В самом деле, Воронцов никогда никому не жаловался, а ему жаловались все, и он сам считал это вполне нормальным. Воронцов как бы составлял важнейшую и неотъемлемую часть сложного организма полка. Он был в полку, будто мать в семье. Естественно, что мать должна всех утешать, выслушивать, лечить, наказывать и пестовать, а сама никогда не сваливаться с ног».

Ветеран полка Юрий Брянский, командир минометной роты, в прошлом студент из Минска. Красивый, утонченный, цельный, словно из звонкого металла отлитый. Человек требовательный и справедливый, любимец всей роты. Он заслужил эту любовь мудростью, умением никого не обидеть.

«Брянский, с туго перетянутой талией, с пышным светлым чубом, стоит облитый лучами предзакатного солнца».

Шура Ясногорская, медицинская сестра, единственная и верная любовь Брянского. Рядом с ней идут солнце, радость, ей все смеется навстречу. Эта белорусская девушка была для солдат живым свидетельством того, что война бессильна перед верностью и красотой жизни.

«Она тоже училась со мной на физмате, — задумчиво продолжал Брянский, медленно лоя руками тепло костра. — Представь себе, Женя, — обратился он к Чернышу, три года мы с ней сидели рядом на одной скамье. Мы уже так знали друг друга, что даже мысли угадывали безошибочно. Собственно, у нас были не две, а

одна мысль, разделенная на двоих. Я мог бы каждый ее взгляд переложить на речь и записать с точностью до единого слова. У нас не было моего и твоего. У нас было только наше. И мы знали, что так будет всю жизнь... Через месяц после начала войны меня уже ранило. Я лечился в госпитале под Смоленском, и Шура туда мне написала. Но вскоре фашисты захватили Минск. Нас повезли глубже на восток. А она? Она... Ничего не знаю. Помню только ее последние слова: «Если тебя не будет, Юрась, я ни с кем не смогу... До самой смерти буду одна!»

— И ты веришь? — перебивает Сагайда.

— Верю. Верю, ибо знаю, что иначе не может быть. Это не самоуверенность. Конечно, она может встретить более красивого, чем я, более умного, ну мало ли что еще... Но я глубоко убежден, что... сердца... именно такого сердца не встретит. Потому что нет на свете двух абсолютно одинаковых сердец. А Шура любила именно такое, как мое... Тысячами разных граней светится каждое человеческое сердце. И вот только у нас, между нами двумя, эти тысячи граней, все до последней, светились... одинаково, вернее, гармонично, созвучно. Я тоже после нее видел много девушек, даже более красивых, чем она, даже настоящих красавиц, но ни одна из них не была похожа на нее, не могла сравниться с нею. Не потому, конечно, что она самая лучшая в мире, нет, я не идеалист. Но именно такую, не другую, не худшую не лучшую, я только и могу любить. Для меня она самая лучшая на земле. Поэтому я так верю и себе и ей... И я рад, что родился таким... однолюбом — есть ли такое слово? Если нет, то пусть будет, — ибо именно это однолюбство делает меня богатым и сильным. Я чувствую себя всегда богатым и сильным. Вот почему я говорю, что наивысшая красота — это красота верности».

Красота верности озаряет весь образ Шуры Ясногорской, который наделен в романе сиянием нравственной чистоты, душевностью, лиризмом. Этим и заслужила девушка уважение и почтительное отношение однополчан. «Верная», — называют ее бойцы между собой, и героиня не разочаровала их своим поведением. Поэтому и не осуждали однополчане Шуру, когда зарождалась новая любовь между ней и Чернышом.

Симпатичны читателям и другие герои. Хитроватый балагур

Хома Хаецкий, порывистый Самиев, «железный» ветеран, напористый Вася Багиров. А мечтательный Маковейчик-соловейчик, а Чумаченко, Кармазин, братья Блаженко, Саша Сиверцев, Гай, Сагайда — в каждом из них раскрывается той или иной гранью героическое начало. Именно это героическое начало составляет сердцевину их характеров, хотя они менее всего похожи на плоских «идеальных героев».

Таков и Евгений Черныш — поэтичный, целомудренный, совсем еще юный. Но, несмотря на юный возраст, его характеризует строгая требовательность к себе и к своим подчиненным. При этом привлекает и его доброта. Трогательными до сентиментальности являются воспоминания Евгения о матери, которая «сидит перед репродуктором, ожидая отца с работы, и слушает вести из эфира, накинув теплую шаль на худенькие плечи, и хочет услышать о своем Жене...» Черныш прошел тяжелый путь войны, возмужал, изменились кое в чем его взгляды, но осталось сердце чутким и искренним, верным и добрым. Остался он Человеком.

Гончар на примере этих людей показал идеал фронтового братства, кровную близость бойцов и офицеров, которые воюют за свою Отчизну. Мы видим трогательную дружбу людей, которые ощущают дыхание смерти. Разведчик Казаков думал так: «Хорошо спасать людей! Лучше, чем убивать!» Эта мысль неожиданно приходит ему на ум после того, как он спас от верной гибели прикованного фашистами к скале пулеметчика-смертника, венгерского хорвата. Неожиданными были для Сагайды случайно услышанные им слова двух беседующих солдат о том, что «не только ненависть, а прежде всего любовь двигает наши армии вперед... Тяжелая и трудная любовь, освященная нашей кровью...»

Все эти люди, чистые в душевных отношениях, верные памяти погибших, берегут и ценят дружбу. Поэтому девизом жизни для каждого являются слова Брянского: «Высочайшая красота — это красота верности. Люди, которые бросаются на все, разменивают свои чувства направо и налево, по-моему, в конце концов должны ощущать себя нищими». И еще: «Все, все мы отдадим тебе, Родина... Все! Даже наши сердца... И кто не изведal этого счастья, этой красоты верности, тот не жил по-настоящему». Именно это помо-

гает героям ощущать себя внутренне сильными и спокойными.

И все же война не щадит никого. Гибнет Юрий Брянский, подорвавшись на собственной гранате. «Старший лейтенант лежал на правом боку, откинув голову и подавшись всем телом вперед. Он напряженно вытянул руку вдоль камня, словно хотел достать что-то, лежавшее совсем близко. В руке застыл пистолет. Брянский лежал, как живой, крови не было на его белом лице, и глаза были незакрыты, а только слегка прищурены, как тогда, когда он смотрел в бинокль и командовал».

Гибнет Гай — «ладный, стройный, широкогрудый, настоящий красавец».

«Там, где стоял Гай, вздыбился черный высокий вихрь, и когда дым рассеялся, там уже никто не стоял. Гай лежал распластавшись. Сняли с него закопченную взрывом плиту, придавившую его к земле. Тело, освобожденное от брезентовых окровавленных лямок, словно вздохнуло и опало бессильно. Боец лежал, вытянувшись во весь рост. Шелковистые белесые брови выделялись на задымленном лице, как две метелочки ковыля, степной певучей травы. Боец и сейчас доверчиво и немного удивленно смотрел в чистое небо, а его глаза были еще синее неба, прозрачные, как камень сапфир. И удивительнее всего было то, что в руке боец еще сжимал синие васильки. Обожженные взрывом, они сейчас напоминали пучок ржавой колючей проволоки. Кто-то попытался взять их, но мертвая рука Гая так крепко сжала цветы, что пальцы нельзя было разнять. Так и оставили его с васильками в руке, с полевыми цветами родного края».

Гибнет «скромный работяга войны» Кармазин, спокойный, рассудительный, осторожный, он «никогда не вызывал опасений за свою жизнь, все были уверены, что кто-кто, а он дотянет». Не дотянул.

«Гибель Ивана Антоновича была для роты горькой неожиданностью. Как-то сложилось так, что рота за него беспокоилась меньше, чем за других. И не потому, что Антоныча мало ценили. Наоборот, он пользовался среди бойцов гораздо большим уважением, чем, скажем, неуравновешенный, временами грубый и крутой лейтенант Сагайда. Бойцы были глубоко убеждены в безошибочности

и правильности каждого шага Ивана Антоновича. Осторожный, рассудительный, вдумчивый, он в самые критические минуты не терял спокойствия и самообладания. Никто не помнил, чтобы он при каких бы то ни было обстоятельствах изменил своей степенной походке и пустился бегом, как другие. Даже во время последнего боя, когда подразделения, спасаясь от танков, ветром летели за дамбу, Кармазин в своей плащ-палатке бежал солидной рысцой.

Иван Антонович и сам охотно поддерживал общую уверенность в том, что с ним никакой беды приключиться не может, что он непременно увидит конец войны. Поэтому, когда Сагайда перетащил его на своей спине через дамбу, никому не верилось, что это лежит, истекая кровью, Иван Антонович. И даже когда его засыпали землей, бойцам еще некоторое время казалось, что Ивана Антоновича не похоронили, а просто он ушел из роты по служебным делам».

Теряет зрение влюбленный в краски окружающего мира, мечтавший о художественном институте Саша Сиверцев.

Под диктовку медсестре он пишет письмо Чернышу:

«Постепенно привыкаю к своему положению. И странная вещь: мне временами кажется, что, несмотря на потерю зрения, я все-таки вижу. Может быть, это потому, что я не одинок, что меня всегда окружают товарищи и друзья. Со всех сторон я чувствую поддержку товарищеских рук, товарищеских глаз. Они стремятся передать моему восприятию окружающий мир во всей его полноте, они хотят, чтобы мне все было видно так же, как им. И я вижу, Женья!»

И еще, и еще, один за другим — молодые, красивые, полные сил, энергии и надежд. Слепа в своей безграничной жестокости война: в самый День Победы, когда, казалось, все позади, и Шура Ясногорская стояла на пороге новой жизни, новой любви, ее нашла фашистская пуля. И вот уже лежит она навзничь на палатке, и гремит над ее могилой троекратный салют.

«А на палатке лежит навзничь какая-то незнакомая Маковею де-вушка. Растрепанная, спокойная, в изорванных венках, в измятых погонах. Нет, это не она! Да, это действительно она лежит, раскинувшись устало и неудобно, в венках, которые забыла снять перед боем! Лежит, как живая, неестественно белая, спокойная. Смотрит

на Маковея удивленным, неподвижным, раз и навсегда остановившимся взглядом. Вот-вот шевельнутся полуоткрытые губы, оживут в тонкой улыбке, а рука сожмется, чтобы подняться. Слезы текли по щекам Маковея».

Трилогия «Знаменосцы» имела большой резонанс. Читатель сразу откликнулся на события романа, почувствовав в них настоящую историческую и художественную силу. А писатель Юрий Бондарев отметил большой литературный вес произведения: «“Знаменосцы” — исповедь памяти, совести и правды нашего народа. Олесь Гончар дорог нам и удивительной поэтичностью, и мужественной интонацией своих вещей, и необыкновенной широтой, многослойностью романного диапазона».

Роман «Человек и оружие»

*Мало у нас оружия, но
самое верное,
закаленное оружие в нас
самих, в нашей воле,
в наших судьбах.
О. Гончар*

Роман «Человек и оружие» — незабываемые воспоминания автора о первых днях войны. Центральные фигуры — вчерашние студенты-историки Харьковского университета, которые пошли на фронт и встали на защиту Отчизны.

Щемящей нотой начинается роман: «Еще все как было. Еще, разбредясь с самого раннего утра по паркам и библиотекам, забравшись в опустевшие аудитории факультетов, склонились над конспектами студенты — готовятся к последним экзаменам». Тревожно повторяется слово «еще», как бы предсказывая огромную трагедию, крушение этого спокойного мира.

Главный герой романа — Богдан Колосовский. Красивый юно-

ша с фигурой спортсмена, отважный, имеющий величайшую выдержку, которая поможет пройти ему сквозь многие трудности. «Сколько мужественности во всей его фигуре, в густом непокорном чубе, откинутом назад! Даже вот так, когда Богдан сидит, по его складной высокой шее видно, какой он стройный. По-цыгански смуглый — девчата говорят, что он красавец».

«Нелегко даются ему науки, но из гордости он и знать не хочет шпаргалок, и не полагается на случай, он идет на экзамены с твердой уверенностью в себе, в своей силе, — в том, что никто ничем не собьет его. Сама жизнь выработала в нем этот характер. Рос без отца, на нелегком хлебе. Чтобы дотянуть до стипендии, ночами ходил на товарную станцию — разгружал вагоны. Во время каникул тоже работал. Прошлым летом в рыболовецкой артели, где-то в днепровских плавнях, тяжелые неводы таскал. Вернулся, и от него пахло Днепром, шалашами, дымом костров вечерних».

У Богдана своя трагедия — его отец репрессирован. Из-за этого его исключили из комсомола. Но сын не признает за отцом вины, он никогда от него не отречется.

«Весь факультет знает, что они — еще с первого курса — влюбленная пара, что Таня Криворучко его, Богдана Колосовского, невеста»,

Счастливые влюбленные Богдан и Таня, отгородившись в аудитории от всего мира, штудируют перед очередным экзаменом историю, не подозревая, что они, как и миллионы их ровесников, уже вовлечены этой историей в грозный водоворот войны. Никто ничего еще не знает. И Мирон Духнович, факультетский эрудит и философ, так и не осиливший на военной кафедре устав караульной службы, не знает, что скоро, очень скоро, не на муляжном, а настоящем поле боя суждено ему совершить подвиг, прикрывая отступающих товарищей. И Андрей Степура, томимый муками неразделенной любви к Марьяне Кравец, не знает, что завтра будет выносить из боя смертельно раненого своего соперника Славика Лагутина, и плакать над его могилой.

Никто ничего еще не знает. Знает только автор — и на мгновение, словно в кинохронике, останавливает он течение событий: «Запомните этот миг! Навсегда запомните эту последнюю свою

студенческую аудиторию на третьем этаже истфака, где, ворвавшись сквозь забаррикадированную дверь, настигло вас страшное, ошеломляющее слово:

— Война!»

Жесток, искажен страданием и ненавистью ее лик. «Дым пожаров, несмолкающий грохот, печаль, тревога на лицах людей — это твоя Украина, такой ты видишь ее! Не песня, которая еще недавно раздавалась в лунные ночи над этим краем, над садами и левадами, а великая печаль разливается повсюду... Прощальная мольба в глазах, крики, стоны, канонада и рыдания материнские...» Страшная симфония. И словно кульминация всенародного горя — гибель красавца Днепрогэса. «Взрыв, был он или нет? Это, скорее, напоминало землетрясение. Содрогнулась земля всеми своими гранатами. Инженеры и рабочие сняли фуражки и напряженно глядели с берега, как медленно, будто при замедленной киносъемке, разламывается плотина». Оглушенные, подавленные, стоят люди на берегу, перед «черной клокочущей рекой» Днепрогэса, — «то были минуты, когда горячие слезы сами застилают взор, и мир темнеет, и хочется умереть».

Все ребята записались добровольцами в студенческий батальон. И вот идут они по залитой солнцем площади Дзержинского, взявшись за руки. «Идут, как не раз ходили на демонстрациях, во время вечерних прогулок, гурьбой, со смехом и шутками. Как хорошо, когда чувствуешь: сделал именно то, что нужно было сделать, можешь теперь открыто посмотреть каждому встречному в глаза!

Над ними — ясное небо, то небо, в котором более двух десятилетий не взрывались снаряды, не свистела шрапнель, не было ничего, кроме птиц и радуг высоких. И чтобы это небо почернело? Дымом заволоклось и сполохами пожаров? Идут и твердо чеканят шаг по брусчатке парусиновые студенческие туфли, и девчата уверены, что, пока есть на свете их чубатые хлопцы, не ступит нога чужеземца на эту площадь, широкую и светлую площадь их юности, площадь, которой они так гордятся, — ведь она самая широкая и самая большая из всех площадей Европы!»

А теперь эти ребята уже идут, так же чеканя шаг, на фронт. «Люди приостанавливаются, смотрят вслед. Кто идет? Кого про-

вожают? Студбат идет. Студенческий батальон добровольцев проходит по городу. Студбат. Пока что на юношеских лицах улыбки и шутки на устах...»

«Постукивают колесами вагоны. То, что было мирной жизнью, остается позади. Впереди — неведомые испытания судьбы. Но это потом, потом. Сейчас в их сердцах одна лишь готовность — пройти дантов ад войны, удержать рубеж, который им доверяют, любой ценой преградить путь новым ордам чингисхановым, что не с луками, не со стрелами — с гремющей сталью надвигаются по земле и по небу на родимый край.

Куда везут? Это им не говорят. Где встретятся с врагом? Об этом могут высказывать лишь догадки. Локомотив неудержимо мчит вперед. Вороной их конь на красных колесах...

Когда эшелон тронулся, ребят стали оформлять по-фронтовому. Выдали наспех заготовленные справки о том, что отправляются на фронт курсантами-политбойцами, а вместе с такой справкой каждому курсанту вручали еще одну штуку: похожий на желудь черный пластмассовый пенальчик — медальон, который позднее будет назван медальоном смерти. Каждому надлежало вложить в этот медальон собственноручно заполненную, свернутую трубочкой анкетку, самую краткую из всех анкет: кто ты и кого оповестить, когда тебя найдут на поле боя...».

В первом своем боевом задании Богдан не спасовал, не струсил.

«Живые фашистские каски в хлебах так близко — целься, не промахнись! Колосовский выстрелил. Слетела каска, и только после этого немец упал. Еще выстрел, и еще один упал, а он целился снова в эти ненавистные каски, видел, как падали враги, и это только распаляло его, каждую каску хотелось разбить, раздавить, расколоть, как скорлупу, вместе с черепом, который под нею прятался. О себе Колосовский не думал. Пули вызванивали по фермам все злее, щелкали по рельсам, впивались в шпалы, но он не хотел их замечать, он люто презирал их, он впервые почувствовал в себе сейчас то, что отец его когда-то называл полнейшим презрением к смерти».

Друзья Колосовского — Степура и Духнович — в первом свою бою тоже проявили себя достойными солдатами. Вместе с другими

бойцами, студбатовцами, кадровиками, резервистами, они смогли остановить немецкие танки.

«Духнович почувствовал, как дрожь побежала по всему телу. Почему он дрожит? Потому ли, что прохладой тянет от речки и остывших за ночь камней шоссе? Или бросает его в дрожь вот этот грохот, который медленно, неотвратно надвигается и от которого содрогается все заречье? “Но ведь я же не боюсь! — страстно убеждает он себя. — Мне не страшно, не страшно!” Это, видимо, и есть то мгновение, когда даже самый обыкновенный, самый невоенный человек и тот обретает силы на решительный поступок!» Он чувствовал себя частицей этого застывшего в напряжении коллектива и с удивлением открыл для себя, что он тоже не трус, что он не отступит с этого места, не утратит самообладания, не падет ниц перед надвигавшейся на них черной силой. Это надвигался фашизм, его вероломство, кровавая жестокость, дикость. Была в том грохоте сейчас для Духновича и окровавленная Испания, и растоптанная Чехия, надвигались из-за плакучих верб концлагеря, надругательства, смерть миллионов людей на Западе и тут, на земле его родины. Все это будет, если ты отступишь. Не уничтожишь!»

«Пройдет время, немецкие военные историки будут исследовать эти дни. Они напишут, что внезапные дожди помешали их танкам быстро овладеть Уманью, Белой Церковью, но мы-то будем знать, что не о дождях пойдет речь, — это будет сказано о тебе, пехота с бутылками горючей смеси, о тебе, небольшой курсантский студбат, о всех вас, известные и неизвестные подвижники сорок первого года, кто насмерть стоял на пылающих своих рубежах».

Стоит упомянуть еще об одном студенте, который поначалу не вызывал уважения. Это Спартак Павлушенко. Еще в Харькове он относился к Богдану с недоверием из-за репрессированного отца. Он всячески показывал неодобрение и неприязнь к своему однокурснику. Но война меняет людей. На днепровской переправе, где Спартак и Богдан сражались бок о бок, он едва не погиб от бомбы. В госпиталь Павлушенко привезли контуженным. Ему перекосило скулу, а что еще хуже — он утратил дар речи. К таким испытаниям он не был готов. «Павлушенко до сих пор легко все давалось в жизни». После контузии Спартак смог многое осознать: как холодно

и равнодушно обращался с товарищами и как был несправедлив к Богдану. В госпитале он встретил Духновича, но злая ирония судьбы не позволила ему высказать свои мысли, попросить прощения. «Именно теперь, когда в сердце появилось что-то новое, человеческое, теплое, чем он хотел бы поделиться с товарищами, — именно теперь контузия лишила его дара речи». Нечто новое появилось в жизни Спартак — шахтерочка Наташа, которая ухаживала за ним. Он полюбил ее все душой, и Наташа ответила взаимностью. Позднее, когда Спартак и Богдан встретились вновь, они подружились. При прощании Богдан крикнул Степану: «Прощай, друг!» Это значит очень много.

Последние главы романа ведутся от лица главного героя Богдана Колосовского: «Письма из ночей окруженческих». В них он мысленно пишет письма своей любимой девушке Тане.

«Слышишь ли ты меня, Таня? Может, в самом деле, существует в природе какой-то таинственный магнетизм, какие-то неисследованные токи, которые передают человеческие мысли от мозга к мозгу на расстоянии? “Пиши хотя в мыслях...” Об этом ты просила, когда в последний раз мы виделись в Чугуевском лагере, и вот я посылаю тебе теперь эти ненаписанные письма, эти мысли свои, которые не пройдут ни через одну полевою почту.

Сейчас ты от меня на расстоянии звезды, и пусть душа свободно говорит с тобой, со звездой далекой, недоступной. Таня — так будет называться звезда моя.

Как часто я сдерживал свои чувства к тебе, скупым был на ласку, стыдился говорить тебе нежные, чтобы не казаться сентиментальным. Сейчас я даю себе волю, даю волю всему тому, что клокочет в моем сердце, — пусть оно говорит само. Сейчас отсюда я еще сильнее люблю тебя, хотя думал, что сильнее нельзя. Руки люблю твои, что меня обнимали, очи, что так солнечно мне смеялись. Капризы твои, и озорство, и ревность — все люблю. Когда еще на Киевщине, в первом боевом нашем крещении, поднявшись живым из-под шквального минометного огня, увидел под хатой чудом уцелевшую среди черного кипения войны высокую, горящую на солнце мальву, ты мне представлялась как она — красивая, чистая, гордо устремленная куда-то ввысь.

Ты для меня самый дорогой человек на свете, но — страшно подумать — иногда мне кажется: было бы, пожалуй, лучше, если бы тебя не было вовсе; если бы я не был твоим суженым, человеком, которого ты ждешь, — тогда б я остался лишь бойцом, который несет в сердце своем только ненависть. Без близких, без родных, один на свете, как штык. Без любви, возможно, легче было бы нам воевать и умирать в бою.

Но это — минутное, преходящее, этому не верь. Я знаю, любовь придает нам силы, помогает переносить все».

Как ему, должно быть, больно! Нет, не за себя, а за этого хрупкого, нежного человечка, который ждет его и надеется на счастливое будущее.

Ребята на войне повзрослели, возмужали, стали настоящими солдатами, готовыми отдать жизнь и за своих друзей, и за родную землю.

«Если говорить о себе, — делился с товарищами Духнович — то я до сих пор был больше объект войны, чем ее субъект. Как всякая букашка, я, разумеется, хочу жить, хочу копошиться на нашей грешной планете еще энное количество лет. Но если бы мне сказали: умри, Духнович, это нужно для того, чтобы на земле никогда больше не было войн... Простите мне высокий стиль, но, ей-же-ей, я не пожалел бы своей маленькой несуразной жизни. По-моему, каждый человек должен хотя бы раз когда-нибудь достигнуть своего зенита...

— Что ты называешь зенитом?

— Умение, когда нужно, пожертвовать собою, вот что».

Именно так он и поступил. Подорвал себя гранатой, спасая своих товарищей.

«Какой он прекрасный! Как много мне хочется сказать ему! Такого друга, видно, уже никогда не будет у меня в жизни...

И в это мгновение, там, где была скирда, земля взметнулась в небо огнем, и грохот потряс земные недра. Ни ракет, ни лая, только пламя и удары, удары...

Упав в бурьян, на эту горькую, полынную планету, стискивая зубы, чтобы не разрыдаться, мы все ждем чуда — ждем, что из грохота, из бушующего огня появится перед нами знакомая фигура,

ждем, хотя знаем, что Духнович никогда не появится больше».

Погиб при защите Днепрогэса и Андрей Степура — умер от тяжелых ран.

А Богдан Колосовский? Суждено ли ему выжить и встретиться с Таней? Или он погибнет, как его товарищи, с надеждой, что это все-таки последняя война?

«Кто из нас погибнет в этих окруженческих, заревами охваченных степях? Может, всех нас ждет за тем вон бугром смерть? Или не раз еще будем в боях, и будем пропадать без вести, и будем пить воду из болот, и будем гибнуть в концлагерях, оставаясь и там твоими солдатами, отчизна».

Этот роман — о Великой Отечественной войне, но направлен он против всяких войн, против бессмысленной гибели лучшего, что есть на свете — человека. Эта идея выражена в последних строках произведения устами Богдана: «Но даже погибая, будем твердо верить, что после нас станет иначе и все это больше не повторится, и счастливый человек, разряжая в солнечный день победы последнюю бомбу, скажет: это был последний кошмар на земле!»

Роман «Циклон»

Этот роман стал своеобразным продолжением «Человека и оружия». Богдан Колосовский, доброволец студенческого отряда, узник фашистского концлагеря, выжил в горниле войны. «Войну Богдан закончил в Берлине: продымленный, тоже расписался в числе других на колонне рейхстага, оставил Европе свой гвардейский автограф». В новом произведении он — кинорежиссер, создающий фильм о той войне.

Композиционно «Циклон» строится на встрече прошлого и настоящего. Название ассоциируется с эпохальными пластами жизни: циклон как фашистское нашествие и циклон как стихия природы. Две сюжетные линии — прошлое и настоящее — иногда переплетаются и сливаются в одну. Для Болга-

на, который прошел все адские круги войны, стоит задача создать фильм о пережитом в эти годы, о величии и красоте человеческого духа, о трагедии молодого поколения, на плечи которого свалились суровые испытания. Сила человеческого духа — главная мысль «Циклона», она пронизывает всю его структуру.

Война возникает в воспоминаниях Богдана, которые начинаются со страшного времени пребывания в концлагере, где «с четырех сторон света подстерегает нас одноглазая пулеметная смерть. Из всего живого остались для нас только мухи, что роятся над нами, облепляют нас, как воронье. Душит нас смрад, сжигает зной, и почти счастливец считается тот, кто успел захватить кусочек тени у стены. Уподобившись друг другу в своей поверженности, валяемся, пребывая в каком-то трансе; с пригусасшими мозгами, с пригусасшими глазами, с каждым днем приближаемся к самой роковой черте — черте крайнего равнодушия. На полдвора — клоака, кровавая дизентерийная топь. Там корчатся люди. Мучаются, там и умирают. Смерть никого не удивляет, она перестала быть таинством.

Сколько нас здесь? Говорят, сто тысяч. Сто тысяч безымянных, непронумерованных, опрокинутых в небытие. Брошенных на расправу мухам и этому смердящему солнцу.

День ото дня тают наши силы. Угасаем. Все резче выпирают ребра, отрастают бороды. Скоро будем такими, как этот вот высохший человеческий скелет, что скрючившись, сидит перед нами на жаре тюремного плаца и тихо, безутешно плачет».

Вместе с Колосовским здесь рядовой Иван Решетняк, встретивший войну на западной границе, сумевший раненый выйти из окружения и направленный лечиться в сибирский госпиталь. Там и свела его судьба с Богданом. Цепкий к жизни человек, не теряющий веры ни при каких обстоятельствах.

«Рядовой Решетняк... Тягач войны — так можно было бы ленту назвать, пользуясь распространенным у нас выражением. Один из множества загнанных сюда, за колючую проволоку. Здесь он уже не герой, не трус. Просто несчастный человек, лагерник, как и все, истощенный до желтого тумана в глазах, до состояния, когда, все уже в тебе дотлевают, ко всему становишься равнодушным, и ты

постепенно погружаешься, как в трясины, в эту слабость, сонливость... Но нет, лагерь еще не выпил из него жизнь до конца».

Здесь кавказец Давид, которого Решетняк называет Шамилем, с трубкой в зубах, в фуражке набекрень. «Часовые даже не подозревают, кем был этот черный, дистрофической худобы кавказец на поле боя, как сметал, сжигал фашистскую пехоту своими огненными смерчами. А сейчас только угасшая трубка осталась... Трубка пуста, давно уже в ней не было табаку, но она торчит, крепко стиснутая в зубах, словно бы взывая к тротуарам: “Мы еще живы. Мы не сломлены. Мы сделали все, что могли”». А с каким достоинством Шамиль переступил страшные ворота лагеря смерти: «Молодой командир-кавказец, смугляк чернобровый, с кровью, запекшейся на щеке. Широко, размашисто шагал он впереди, выпрямленный, со смелым, даже словно бы веселым лицом, с орденом Ленина, который цветком горел на гимнастерке. Таким был необычным этот командир среди колючей проволоки и вышек, таким был непонятным своей вызывающей улыбкой и непоникшей головой, что даже немцы ошеломленно расступились, когда он проходил от ворот в толпе, поблескивая капельками пота на лбу, сверкая своим еще новеньким орденом. Улыбался он своей открытой улыбкой, будто не осознавая, где очутился, куда попал. Улыбка его просто отказывалась признавать эту новую действительность». Он — как символ несокрушимости человеческого духа. Но ведь есть же предел силам и стойкости человека. Оказывается, нет такого предела. Все способен он вынести и, главное, способен сохранить в себе человечность, свет идеала, который поддерживает его «в том пекле, где повседневно происходил неравный бой между человеческим и животным, где обнаженный дух человека сражался с кровавой трясиной, собственным отчаянием, преодолевая слепую силу инстинктов». Герои романа выигрывают это сражение, хотя и находят смерть в страшном, все сметающем циклоне войны. Выигрывает это сражение и веселый, гордый Шамиль и никогда не теряющий надежды Решетняк.

Со сцен в концлагере начинает снимать свой фильм Колосовский.

«— Только бы не сбиться на приключенчество, — сказал Сергей-

оператор. — Понимаю, что для вас каждый факт из пережитого дорог, каждая листовка, вами от руки переписанная, кажется событием куда каким значительным...

— Тогда не было значительного. За листовку расплачивались жизнью».

«Фильм о самом тяжком? Их, никем не зафильмованных, воскресить и вынести на экран... А может, это и не совсем этично — друзей своих вывести напоказ, сделать объектом искусства? Ведь они вовсе не готовились к экранной жизни. Просто жили. Боролись. Никто из них не думал, что какое-то слово, случайный жест или поступок со временем предстанет в свете экрана для всех. И наконец, что скажут они, эти твои экранные люди, тому, который будет жить в третьем тысячелетии, где-то за пределами нашего бытия? Поймет ли он их?»

«Лови! Лови кадр, Колосовский! Поймай и увековечь! Останови время на его бешеном скаку! Заставь остановиться мгновение — прекрасное или даже уродливое. Каждую росинку жизни, мимолетную вспышку ее останови — и станешь кудесником, потому что постигнешь то, чего никому еще не удавалось постичь».

«Так Расскажи же! Выведи на экран тех, кто, кроме тебя, никто не выведет! Но как? Какой должна предстать эта лента? В каких тональностях, в красках каких? Не одна еще ночь проходит в напряженных раздумьях. Ибо кто с уверенностью скажет, на каких путях следует искать свое неуловимое «вот то»? Есть граница, на которой никто уже тебе не советчик. Видимо, каждый человек сам должен искать кратчайший путь к истине...»

Тема войны в романе переплетается с темой мирной работы, обычных трудовых будней группы киношников. Режиссер с оператором ищут и находят точные, впечатляющие образы, чтобы передать средствами киноискусства жестокую действительность войны. Художественные поиски связаны с философским осмыслением событий прошлого и современного.

Много места в «Циклоне» отведено важной идее преемственности поколений и проблематики — взаимопроникновению двух временных планов. Это и актриса Ярослава, которая буквально перевоплощается в Присю, чью роль она должна сыграть. Прися

нашла на войне свою любовь — Шамиля, но этой любви не суждено было продолжиться.

«Что за девушка! Статная, огромноглазая, такую раньше, пожалуй, в фильме бы снимали. Выделяется она среди других, быть может, постоянной задумчивостью, которую носит в глубоких оврагах глаз. Белый платок, повязанный рожком, бросает тень на лоб, на такую девичью красоту. Неразговорчивая. Шутки от нее не услышишь, только взгляд ее, изгореванный, полный далекой ласки и тумана, словно бы откликается на взгляд Шамиля».

Это и сын Ивана Решетняка, офицер-вертолетчик, который показывает чудеса, спасая людей во время циклона. И это Сергей, молодой оператор, который гибнет в мирные дни, в пучине циклона, стремясь запечатлеть на пленке борьбу людей с разбушевавшейся стихией. Что делать, человек смертен, а подвиг — в бою ли, в искусстве ли — немыслим без риска. Зато дело человека, творчество его — бессмертны.

«Как живого, видит киногоруппа Сергея в его последнем яростном вдохновении, когда он, промокший, но сияющий, забежал в школу наскоро перезарядить аппарат и взять пленку про запас.

Мост обвалился, затонул, как тонут в штормах корабли. С человеком, который до последнего мгновения снимал и вместе с бетоном моста ушел в буруны стихии. Так погиб этот неутомонник, искатель, вечный ловец неуловимого. Осталось от него киногоруппе лишь нечто похожее на легенду. Образец самоотдачи остался, да еще одержимость его вдохновения».

Богдан Колосовский, вспоминая всех этих людей, думает: «Не исчез он, не исчез. Такие не исчезают. Вряд ли стоило бы жить, чтобы стать лишь гравием, серым илом на полях истории... Человек, если был он человеком, сам становится частицей всеобщего света! В разливе нашей жизни есть и его, Сергея, свет. И Приси! И Шамиля! И Решетняка...»

Можно обогреть кровью страницы истории народа, но зачеркнуть эту историю не под силу никому, вот о чем думает Колосовский. И сам он, как бы живущий и в прошлом, и в настоящем одновременно, своей судьбой утверждает эту связь времен и поколений.

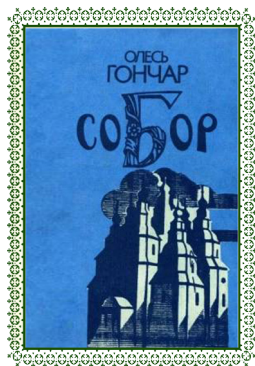
Роман «Собор»

Соборы душ своих берегите, друзья... Соборы душ!
О. Гончар

В истории каждой литературы есть книги, которые обозначают вехи восхождения культуры того или другого народа к духовным высотам человечества. В украинской литературе XX столетия такой книгой, бесспорно, является «Собор».

Ко времени написания этого романа Гончар уже был увенчан всеми возможными наградами, а следовательно, был «идеологически выдержанным». Тем ошутимее выдался удар по режиму, нанесенный «Собором». В нем писатель властно, во весь голос поднял тему борьбы против духовного браконьерства, карьеризма, прислужничества.

Тема романа — сохранение духовного наследия, культуры, языка, искусства, исторических святынь украинского народа, защита этих достижений от посягательств карьеристов, бюрократов-чиновников. Проблема, которую решает автор, — сохранение исторической памяти, а с ней органично связана и другая — потребность «собора душ», то есть духовной и нравственной красоты, личной причастности человека к истории своего на-

рода.

В романе изображены жизненные будни рабочего поселка над Днепром — Зачеплянки. События происходят в течение одного лета. «Живут в Зачеплянке в большинстве своем праведные люди, правильные. Работяги. Metallурги, Те, чью жизнь составляют

смены, дневные и ночные».

Главная сюжетная линия произведения связана с Собором, построенным в XVII веке казаками-запорожцами. Собор является центральным образом, центром событий. Его можно назвать главным персонажем романа. Он воедино объединяет все сюжетные узлы произведения.

Образ Собора стал ярким метафорическим символом, свидетелем истории народа. В романе он появляется, словно живой, как бессмертная память исторического прошлого народа, как символ духовного богатства, красоты.

Уже на первой странице читатель встречается с ним. «С одного края поселка — сага водой блестит, с другого — облупленный собор на майдане белеет. Старинный, казацкий». Все здесь околдовано «видением собора, заворожено немой музыкой его округлых, гармонически соединенных куполов, нарастающих ввысь ярусов, его певучих линий».

Стоит собор... Писатель назвал его «совершенным архитектурным творением», «симфонией пластики». Направленный в небо силуэт собора видно издалека. Герои романа, возвращаясь к родным местам, первым замечают это творение казацкого зодчества: «Сумели же так поставить! Сколько ни едешь, хоть к самым плавням. Все он будет у тебя перед глазами. Из любой точки видно собор, отовсюду!»

«Когда смотришь на него издали, есть в нем что-то от ракеты космической, особенно в том центральном куполе, что стремительно нацелился вверх... Удивительно: сколько воронок в Зачеплянке бомбы нарыли, а его ни одна не взяла. Всем бомбам наперекор стоит и по сей день, вроде антибомба какая — острием в небо, ввысь. Сумели же так поставить, предчувствовали время!»

«Ночью собор молодеет. Морщин времени на нем не увидишь, он как бы возвращается к той своей казацкой молодости, когда из камышника возник юным олицетворением красоты и впервые засиял в этих степях, заголубел небесно полушариями своих глав».

И вот над этим реально существующим символом бессмертия народа нависла угроза уничтожения. Сейчас разрушающийся собор стоит запущенный, там хранится комбикорм.

«В соборе было холоднее, чем на дворе, пахло запустением, мышами. Окна, в которых еще сохранились остатки стекла, в паутине, запорошены отрубями. Сразу после войны собирались открыть в этом соборе антирелигиозный музей с уголком местной фауны и флоры, но почему-то не вышло, и только как воспоминание о тех намерениях чучело плавневого коршуна пылилось над алтарем, да кое-где со стен, между облинявших мадонн, щерились вепрячи и волчьи морды — добыча охотников. Посреди собора гора комбикорма, чуть подальше свалены плотные мешки с суперфосфатом, а в самом углу — обгрызенный, темного дерева иконостас с резными гроздьями и виноградной листвой. Все брошено навалом, стены в потеках, сквозь серую паутину проглядывают сердитые святые... Вечный полумрак стоит в углах собора».

Обитателей Зачеплянки автор показывает в подавляющем большинстве своем искренними и сердечными людьми, прямыми и откровенными, честными работягами, тружениками, не равнодушными к будущему своей земли, красоте Собора.

Один из главных персонажей романа — Микола Баглай — студент-металлург. Он выступает страстным поборником правды, искателем идеала нравственного и духовной красоты. Микола влюблен в свои родные места, в людей, проживающих там, в природу, в Собор, который олицетворяет все величественное и прекрасное, что объединяет его с прошлым и грядущим.

«Все здесь родное студенту, земля отцов и дедов. Века говорят с ним в этот час полуночной тишины, когда уже не жужжат моторчики в садах, не журчит вода из шлангов и над уснувшей в лунном свете Зачеплянкой, над ее тихими улочками царит лишь багровая настороженность неба да спокойная ясность собора. Ночью собор как будто еще величавее, чем днем. И никогда студенту не надо-едает на него смотреть. Один из тех исполинов тысячелетних перед тобой, что разбросаны по всей планете».

«Всякий раз, увидев его, Баглай испытывает странную печаль и вроде бы тревогу. Сдается ему, собор таит в себе что-то от стихии, что-то сродни тому великому, что навеивает на человека степь, или эскадры туч. Или окутанные вечными дымами черные индустриальные бастионы заводов... Немая музыка собора, музыка этих

гармонически поднятых в небо глав-куполов — она для тебя реально существует, ты можешь ее слышать».

Микола Баглай родился во время войны в окопе. Первое, что он видел и слышал, это ужасы войны, взрывы бомб. «И дитя новорожденное, только глазенки раскрыв, в удивленном неведении узрело впервые этот мир, увидело его в сплошной кровавости, и небо все багровело, курилось в дымах, и солнце плыло в кровавом ореоле. Таким было первое впечатление новорожденного, первые метки, что лягут где-то в недрах его подсознания».

Парень имел нелегкое послевоенное детство. После школы работал на металлургическом заводе, поступил в институт. Баглай имеет обостренное чувство справедливости, желание видеть мир лучше, чем он есть, чистым и прекрасным. Юноша болеет за чистоту своего родного края, Зачеплянки, Днепра. Он мечтает сконструировать очистительную систему, которая предотвратит загрязнение воздуха заводскими дымами. Он убежден, что именно духовное и определяет человека, смысл его жизни. «Можно прожить и без собора, и без песни, и без Рафаэля. Без всего можно, на чем висят охранные таблицы и на чем их нет. Можно “Анну Каренину” читать в экстракте на полторы страницы текста. Но остались бы мы тогда в полном смысле слова людьми? Не стали бы просто юшкоедами, пожирателями шашлыков? Тяглом истории?»

Микола идеалист, поэтому нетерпим к осквернителям всего святого: браконьерам, разрушителям исторических памятников, «батькопродавцам».

Баглай думал, что сохранение собора волнует только его одного. Но многие жители Зачеплянки тоже не остались равнодушными к его судьбе.

«Не раз думалось Миколу, что собор только для него одного еще живой, а для других он давно уже не существует... Выходит, ты ошибался? Думал, что только тебе доступна красота этого архитектурного шедевра, а другие такие вещи уже не воспринимают? Или, может, и впрямь были глухи? Может, только сейчас возвращаются к людям и слух, и зрение, пробуждается чувство красоты? И, как видишь, не одного тебя возмущает, что рука невежды намеревается посягнуть на труд человека, на этот шедевр казацкого

барокко... И вот сейчас, среди устоявшейся мирной жизни, когда искусство призвано облагораживать души людские, пробуждать тягу к духовному даже у тех, кто успел измельчать, огрубеть, — в это время приходит какой-то серый-серый герострат, браконьер, пигмей с бульдозером или со взрывчаткой... Потребность в красоте, так же как и отвращение к разрушению, видимо, всегда жила в этих людях, созидателях по призванию, только не проявлялась, жила в недрах души сокровенно и приглушенно, ее вряд ли и замечали в себе, как не замечает Зачеплянка тишину своих летних ночей, пока она никем не нарушена, и всплески доменных зарев, пока они пылают. Привыкаешь, не придаешь значения, пока все это есть, считаешь, что это должно быть всегда, как вечное течение времени, как непреходящая красота мира. Когда же набегают тень, нависает угроза, начинаешь понимать, что есть вещи, без которых душа оскудела бы и жалок бы стал человек! Сегодня люди заметили свой собор. Для них он не подлежит сносу, ибо причислен к непреходящим ценностям жизни так же, как от рождения принята в души синева Днепра, и багряные зарева ночного неба над заводами».

Любопытный персонаж — комсомольский лидер, ведающий культурой всего заводского района Володька Лобода. Антипод Миколы Баглая. Но на первый взгляд он кажется симпатичным. Володька свой парень, готов посочувствовать землякам, простой и общительный в обращении, добросовестный и инициативный на службе, считает себя примерным сыном. Однако сам автор все эти черты характера показывает в ироничном тоне.

«Лобода Владимир Изотович, сын знаменитого когда-то на весь край обер-мастера Изота Лободы, заслуженного металлурга республики. Лобода-сын был Владимиром Изотовичем лишь для этого кабинета, а для Зачеплянки он и поныне Володька, может, потому, что общительный, простой, с людьми не гордый. Совсем облысел на комсомольской работе, только реденький кустик на голове остался».

В свое время этот выдвиженец из рабочей среды предложил «гениальную» идею. «Когда отмечали 300-летие Переяславской Рады и надо было привести в порядок памятники старины, а средств для

ремонта собора выискать не удалось, Володька подал идею — взять объект в строительные леса. А потом пусть стоит. Главное — одеть к празднику». Впоследствии у выдвиженца появилась другая мечта — благодаря разрушению собора сделать себе карьеру. На месте национальной святыни этот «инициатор» захотел построить крытый рынок и шашлычную. «Зачеплянский выдвиженец заметил, что на том месте очень было бы кстати выстроить образцовый крытый рынок для трудящихся, ощущается-де в нем острая необходимость. Раньше на той площади устраивались ярмарки, потом был базарчик, со временем и он захирел, следовательно, надо было возродить давнишнюю традицию».

Лобода — умелый приспособленец, который готов угодить высшим эшелонам власти. Его жизненное кредо — умело служить собственным дальновидным карьеристским целям, угадывание воли высших чиновников. Такие люди тонко чувствуют требования времени, моду на новое и обязательно должны продемонстрировать свое первенство, смелые идеи, прогрессивность, быстро сориентировавшись на новую волну. Вместе с тем он всегда демонстрировал свое единство с простым трудовым народом. «Не думайте, что я оторвался, черным был, черным и останусь, то есть металлургом». На самом деле интересы людей были ему абсолютно безразличны. Восхищаясь красотой собора, осознавая неоценимое величие этого исторического памятника, Лобода в то же время задался целью разрушить здание, заработав на этом политический капитал.

В образе Лободы автор показывает человека умного, сообразительного. Но отставшего в своем духовном развитии. Он не понимает, что прошлое — твердая почва для будущего, основа его духовности. Закономерным является вопрос жительницы Зачеплянки бабки Шпачихи к карьеристу Володьке: «Где твоя совесть — в груди или в сейфе на замке?»

Микола Баглай и Володька Лобода — два противоположных берега. На одном из них — поэтический мир, бессмертная красота и сила национального духа, а на другом — духовная нищета.

Еще один интересный характер с драматической человеческой судьбой — Елена Чечиль или, как ее все называли, Елька. Любимая Миколы Баглая. Жизнь ее очень запутана. Она, как и Микола, ро-

дилась во время войны. Ее отец был простым солдатом, которого Елька никогда не знала.

«Еля при ферме и вырастала. Отца не знала совсем: когда линия фронта проходила здесь, была она вроде от солдата перехожего прижита. Росла, не ведая, что такое отцовская ласка, да и многие ли Елькины ровесники знали ее, ласку? Мать работала свинаркой. Лето и зиму, будни и праздники, с рассвета до ночи — только приплоды, опоросы, запарки, комбикорм... И Елька-Оленка всегда рядом с ней, в кругу этих интересов. И даже когда в школу пошла, все ее внешкольное время на ферме протекало, здесь были ее Эллады и Вавилоны». Когда погибла ее мать, девочке пришлось бросить школу и пойти работать на ферму. Однако, несмотря на такие жизненные обстоятельства, она мечтала о высокой и прекрасной любви, стремилась учиться, перечитала всю классику, которую могла найти в бедной сельской библиотеке.

«Как на Елькин характер, то уж если любовь — так чтоб с огнем, без оглядки, без удержу, а там — что будет... Хотела бы жить жизнью самозабвенной. Полыхающей, когда люди сгорают от счастья, когда из любви возникает поэзия... И хоть обожглась, так и не узнав любви, но уверена была, что она есть, сама о такой когда-то мечтала в те весенние свои ночи, набухающие вишневыми почками ночи...»

Судьба не раз преподносила ей серьезные испытания. Ошибившись один раз, когда ее обесчестил колхозный бригадир, Елька в глазах некоторых односельчан стала гулящей девушкой. Ей небезразлично, что о ней думают, как относятся к ней, поэтому она уходит из своего родного села Вовчуги в Зачеплянку к своему дядьке. Здесь и встретил впервые Ельку Микола Баглай и сразу «пропал». «Почему же тогда душу разбередила? Таинство первой заинтересованности — как зарождается оно? Постичь бы это... Почему именно этот человек запал тебе в душу, а не другой?»

«Один только раз удалось Миколу увидеть ее вблизи — у самого штакетника поливала. Стояла грустная со шлангом в руке, а исподлобья — взгляд на Баглая глубокий, тяжелый, недоверчивый... Густая смуглость лица резко оттеняла зеленоватую голубизну очей, настороженно-грустных, затаившихся. Недоверие и глубоко-

кая грусть — они поразили всего более. Губы сжаты, а во взгляде и во всей осанке что-то упрямое, смелое, угадывалась внутренняя сила, страстность, надежность души. Волосы темно-русые свободно распущены по плечам, их в колечки завивающиеся кончики золотились на солнце, словно слегка пригоревшие, припаленные иным — степным солнцем. Скорбная глубина очей была как бы с прозеленью, какую, наверное, в давние века только в очах у лесных русалок можно было подглядеть где-нибудь на Волчьих Водах. Со всем ненадолго встретились тогда их глаза, он поздоровался, она ответила ему негромко: «Здравствуйте». И весь разговор. А беспокойство и волнение от того взгляда Баглай и сейчас ощущает, блуждая как тень по ночной Зачеплянке. Почему-то именно ей, человеку почти незнакомому, хотел бы поведать свою жизнь, все свое самое заветное...»

Красавица Елька понравилась и Володьке Лободе. Он делает все, чтобы жениться на ней. Но полная достоинства девушка не хочет быть «проданной невестой». И когда во время сватовства Лободы ее позвал «на минутку» Микола, пошла за ним, потому что почувствовала: это судьба. Все-таки дождалась Елька любви, любви настоящей и взаимной.

«Микола Баглай — вот имя моему счастью — и так, пока буду жить...»

«Любимый мой... Знал бы ты, что сейчас делаешь со мной. Рядом с тобой я вновь возрождаюсь к жизни, возле тебя снова становлюсь человеком! Счастье мое! Счастье, пока и жить буду на свете!»

«Что же оно такое — то чувство, что в песнях любовью зовется? Родство душ? Близость, в которой начинаешь чувствовать свою человеческую полноценность? Или всплеск взаимной нежности, что, как тот родник, неожиданно прорвавшись, забьет из глубины, бурлит на солнце, клокочет, кипит неодолимо... Как назвать его, то, от чего так сладко замирает душа?... Будто открытие явилось оно Ельке, всем людям может теперь она сказать — я знаю, знаю по себе: любовь — это нежность и чистота! Нежность, которая сильнее смерти!»

Еще один герой — «ветеран труда, настоящий представитель его величества рабочего класса» и «батько всех металлургов», отец

Володьки Изот Иванович Лобода. В образе этого потомственного сталевара олицетворяется дух народного патриотизма, казацкой вольности, нерушимости светлых вековых традиций, единство человека с природой, с землей, где родился. Старый Лобода — сама мудрость веков, героическая и трагическая история, народный гнев и общечеловеческий протест против осквернения и разрушения народных богатств.

В прошлом Изот Иванович участвовал в гражданской войне на стороне Красной армии. Впоследствии стал знаменитым сталеваром Украины. На фронтах Второй мировой войны потерял двух сыновей.

Изот Лобода — трагический образ преданного родным сыном отца. Единственный сын отправил его доживать свой век в Дом престарелых для металлургов. Хотя Володька считал себя хорошим, заботливым сыном. «А сам он и рад бы отца заботой, вниманием окружить, так ведь все время на заседаниях да совещаниях, то ты звонишь, то тебе звонят — посадили ж на культуру, горячее место! Вот тогда-то и осенила Лободу-сына идея: отправить старика в Дом престарелых металлургов. Есть такой на Скарбном, Дом ветеранов, в лесу у речки, среди плавней вековых. Рыбку ловить будете, воздух свежий, кормят хорошо, санитарки, официантки, кино, газеты, санаторный режим!» Старик не может простить этого сыну. А Микола презрительно называл Володьку «батькопродавцем».

Но и здесь Изот Иванович нашел себе работу. Он берег Скарбное от браконьеров. «Видели табличку при входе в лес: “Кто посадит дерево — того и внуки вспомнят. Кто сломает — того и дети проклянут”? Моя это программа».

«И все же хотелось бы ему повидать сына. Хотел бы, чтобы дитячком ласковым прильнул к нему или юношей, веселым заводским Володькой вернулся, каким знали его на металлургическом».

Не выдержало гордое сердце ветерана-металлурга. «Вдруг огненным копьем пронзило ему грудь, все небо вспыхнуло кроваво, и в недоумении страшной боли старик почувствовал, как погружается всей тяжестью тела в какой-то багровый вязкий туман». Хоронили его всем заводом. По требованию рабочих называли его

именем заводской профилакторий.

А что же собор? Какова его судьба? Что такое, в сущности, собор в «Соборе»? Это христианский храм, построенный казаками после разгрома Запорожской Сечи. Но собор вместе с тем и воплощение высокого народного духа. Им измеряется не только мера духовности, но и общественная сущность человека, он, как рентген, просвечивает умы, души, величие и низость, благородство и подлость, чистоту и вырождение.

«Молчит собор. Тает верхами в сумерках неба. Не видно ржавчины на куполах, облупленности — ночь скрадывает травмы времени. Страсти бушуют вокруг, копыта ломаются в непрерывных баталиях строителей с браконьерами, а он стоит, думает свою извечную думу. О чем она? Многие события жизни тут проходили перед ним как перед свидетелем и как перед судьей. Совсем, кажется, недавно скрипели мимо него в воловьих упряжках арбы со снопами, революция клекотала. Звали на сходки, на пожары людей, то тревожно, то радостно будили предместья, колотя пудовыми языками свою литую, с примесью серебра медь... Рыдания слышал он, и крики надежды, и железные грохоты войны, и еще более страшную тишину... Все он видит и видел все. Ярмарки бурлили вокруг, гомоном полнились, бурунами жизни вскипали, буйно смеялись, шапками смушковыми красовались, саями в затейливой резьбе степных мастеров. Но так ли уж все бесследно исчезло? Или, может, этот собор хранит в себе отзвуки жизни минувшей, мелькание пик запорожских, разноголосицу ярмарки, шутки цыганские, распри прасолов, ржание коней проданно-оскорбленных, будоражащий смех шинкарок счастливых, ночные шепоты влюбленных... Полон, полон всего! Окутанный сумраком ночи, звезд достигает шеломами своих куполов крутолобых... И пока багрянится, дышит небо надо всем Приднепровьем, стоит он среди поселка, весь светлый, парусно-полный и чистый, как в те давние времена, когда впервые возник, будто по волшебству, выплеснулся из души своих мудрых и сильных мастеров».

Прошло время, но и сегодня «Собор» является одним из лучших произведений украинской литературы.

Цитаты из романа «Собор»

- *«Соборы душ своих берегите, друзья... Соборы душ!»*
- *«Человеку дана память, поэтому он и человек».*
- *«Оружие все больше в размерах, а люди все больше уменьшаются»*
- *«Потому мы хоть бедные, но гордые. Живем в тени, но солнце видим»*
- *«От анархии и к монарху недалеко»*
- *«У вас она (правда) на острие сабли, а у меня там, на верхах собора, на его вершине»*
- *«А искусство — это неистребимый след человечества, его взлеты, его вершины, на которых царит дух победы над смертью, дух неуничтожимости»*
- *«Худшее, что может быть в человеке, душа заячья, душа раба!»*
- *«Ничего нет страшнее, чем видеть старика в рыданиях»*
- *«Пока в мире будут влюбленные, сокрушаться нечего»*
- *«Живет не тот, кто чадит, живет — кто искрит!»*
- *«Всегда найдется эскимос, который даст указание жителям тропиков, как им вести себя во время жары»*

Награды и премии

- **Сталинская премия второй степени (1948)** — за 1 и 2 книги романа «Знаменосцы».
- **Сталинская премия второй степени (1949)** — за 3 книгу романа «Знаменосцы».
- **Государственная премия УССР им. Т. Г. Шевченко (1962)** — за роман «Человек и оружие».
- **Ленинская премия (1964)** — за роман «Тронка».
- **Герой Социалистического труда с вручением Ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» (1978)** — за большие заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность и в связи с 60-летием со дня рождения.
- **Орден Ленина (1978).**
- **Государственная премия СССР (1982)** — за роман «Твоя Заря».
- **Орден Отечественной войны 1 степени (1985).**
- **Герой Украины (2005)** — за самоотверженное служение Украине на ниве литературы, выдающийся личный вклад в национальное и духовное возрождение идеалов правды, человеческого достоинства и добра, посмертно.
- **Орден Красной Звезды.**
- **Орден Славы 3 степени.**
- **Три медали «За отвагу».**
- **Медаль «За взятие Берлина».**

Литературное наследие и экранизации

Романы:

- «Знаменосцы»: Книга 1. «Альпы» (1946). Книга 2. «Голубой Дунай» (1947). Книга 3. «Злата Прага» (1948)
- «Таврия» (1952)
- «Перекоп» (1957)
- «Человек и оружие» (1960)
- «Тронка» (1963)
- «Собор» (1968)
- «Циклон» (1970)
- «Берег любви» (1976)
- «Твоя заря» (1980)
- «Капля крови» (1984)

Повести:

- «Стокозово поле» (1941)
- «Земля гудит» (1947)
- «Микита Братусь» (1950)
- «Пусть горит огонек» (1954)
- «Партизанская искра» (1955)
- «Бригантина» (1974)
- «Далекие костры» (1986)
- «Воспоминания об океане» (1988)

Сборники рассказов:

- Новеллы (1949)
- «Юг» (1951)
- «Дорога за облака» (1954)
- Новеллы (1954)
- «Чары-камыши» (1956)
- «Маша с Верховины» (1959)
- «За миг счастья» (1964)
- «Далекие костры» (1987)

Книги очерков:

- «Встречи с друзьями» (1950)
- «Китай вблизи» (1952)
- «Японские этюды» (1962)
- «О наших писателях» (1972)
- «О тех, кто дорог» (1978)
- «Писательские размышления» (1980)
- «Чем живем: На пути украинского возрождения» (1991)

Воплощение произведений в музыкальном театре:

- Балет «Таврия» (Музыка Владимира Нахабина, 1959 г.)

Балет был поставлен в Харьковском национальном театре оперы и балета им. Н. И. Лысенко. Это один из старейших и ведущих украинских оперных театров, открытый в 1925 г. Действие разворачивается на Юге Украины в предреволюционные годы в «степной империи» Фальцфейнов, на которых работают украинские батраки. В основе сюжета — судьбы двух подруг Вусты и Ганны. Жизнь их складывается по-разному. Вустя полюбила революционера Леонида Бронникова и сама решила идти по его пути. Мечта Ганны — стать богатой. Она влюбляется в сына миллионера Фальцфейна.

Но не удается горничной стать госпожой: помещица Софья Фальцфейн выгоняет Ганну из имения. Тяжелые условия труда на работах в имении рожают солидарность и крепкую дружбу между русскими и украинцами. Они восстают против своей угнетательницы-помещицы. Балет поставлен балетмейстером И. К. Ковтуновым.

- Опера «Знаменосцы» (Музыка Александра Билаша, 1985 г.)

Поставлена в Национальном академическом театре и балета Украины им. Т. Г. Шевченко в Киеве.

Экранизации

- «Девушка с маяка» (СССР, 1956, режиссер Григорий Крикун, по повести «Пусть горит огонек»)

Это первый фильм по произведениям О. Гончара. Производство Киевской студии художественных фильмов. Сценарий для фильма написал сам писатель. На небольшом острове стоит маяк. Здесь живет с супругой и дочерью Марийкой смотритель маяка, старый боцман Емельян Прохорович Лелека. Единственный гость на острове из большого мира — капитан катера, который доставляет припасы и топливо. Со временем у Марийки возникает романтическое чувство к капитану. Но эту любовь разрушает его кратковременное увлечение другой женщиной. Фильм снимался на Азовском море.

- «Партизанская искра» (СССР, 1957, режиссеры Мечислава Маевская, Андрей Маслюков)

Фильм снят на киностудии им. А. Довженко по одноименному роману Сергея Полякова. А сценарий написал Олесь Гончар. Картина посвящена подвигам украинских партизан в годы Великой Отечественной войны в селе Крымка на берегу Южного Буга.

«Таврия» (СССР, 1959, режиссер Юрий Лысенко)

«Тронка» (СССР, 1971, режиссер Артур Войтецкий)

Производство Киностудии им. А. Довженко. Фильм снят по одноименному роману в новеллах. Тронка — это колокольчик, который вешают на овец, чтобы они не потерялись на пастбище. Но

у колокольчика есть особенность — он сделан из немецкой трофейной гильзы. После страшной войны кусок смертоносного металла служит мирным целям. Этот колокольчик стал главным символом картины. История, рассказанная с экрана проста. В украинской степи, где бродят под звуки тронки отары овец, расположен военный полигон. Семьи чабанов давно подружились с офицерами, один из которых, майор Уралов, находит себе здесь жену. У них рождается дочь Аленка, а потом умирает. Остается в степи маленькая могилка. А воинская часть уходит в другое место. И вместе с колоннами машин покидают степь Ураловы, тяжело пережившие свое страшное горе, но не сломленные им. Есть в фильме и другие сюжетные линии. Кадры в картине нарочито замедленны, неторопливы. Для авторов экранизации, как и для автора романа, главное — не просто взаимоотношения людей, а философские проблемы жизни, смерти, взаимодействие разных эпох — седой старины и современности.

- «Полоска нескошенных диких цветов» (СССР, 1979, режиссер Юрий Ильенко, по повести «Бригантина»)

Фильм снят на киностудии им. А. Довженко. В одной из школ для трудных детей оказались два подростка. У одного из них, Гены, есть отец. Мальчик не смог простить ему второй брак — «предательство» по отношению к погибшей в авиакатастрофе матери. Другой парень — Порфирий — отца своего никогда не видел. В нем сидит злая обида на свою судьбу. Спецшколу он сначала воспринимал как самую тягостную несвободу, трижды пытался бежать. Его ловили. В последний раз Порфирий сбежал вместе с Геной, но теперь мальчики вернулись сами. Важную роль в их решении сыграли ум, такт и доверие, проявленное по отношению к ребятам директора школы, и придуманный им «барьер совести» — полоска нескошенных диких цветов вокруг летнего лагеря, заменившая забор. Музыка к фильму написал известный композитор Эдуард Артемьев.

- «Все побеждает любовь» (СССР, 1987, режиссер Николай Мащенко, по рассказу «За миг счастья»)

Заклучение

Олесь Гончар — сознательный и мыслящий сын своего народа, а потому и активный участник его живой истории, помнящий, что история — «это не только седое прошлое, но и противоречивая, полная драматизма современность, и что эту историю нынешнего дня необходимо творить вдумчиво, с ответственностью перед будущими поколениями».

Его путь в литературе — это путь непрерывных поисков. Лучшие произведения Гончара — действительно народного писателя — стали украшением украинского искусства слова, обогатив и сокровищницу литературы мировой.

В своем творчестве писатель разрабатывает тему сохранения гуманности и доброты. Вместе с тем проза Гончара имеет глубокое национальное значение. В его слове — самые лучшие и милые краски родной Украины. Положительных героев писателя, как и его самого, переполняет гордость за принадлежность к своему талантливому и трудолюбивому народу. Сам Гончар утверждает, что его основная задача — открывать в человеческих душах «источник света и здоровья». Он признается, что отдаёт предпочтение изображению людей «со светом в душе», обозначает собственный способ письма как «поэтический» или «критический» реализм. Так и есть: Олесь Гончар является одним из выдающихся писателей нашего времени, который во все времена напоминает: «Искусство и литература призваны стоять на страже духовного человека, беречь и в эпоху НТР поэтическое начало жизни, первобытный огонь красоты».

Список литературы

- Бабишкин, О. К. Олесь Гончар / О. К. Бабишкин. — Киев : Днепр, 1968. — 320 с.
- Венок памяти Олесь Гончар : воспоминания. Хроники / Сост. В. Д. Гончар, В. Я. Пьянов. — Москва : Писатель, 1997. — 453 с.
- Винниченко, В. Дневники / В. Винниченко // Киевская старина. — 2000. — №6. — С. 92.
- Вопрос с ответами «Новеллистика Олесь Гончара» : [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.literatorov.net/vopros-s-otvetami-novellistika-olesya-gonchara/> — 29.08.2013.
- Высоколетия : Олесь Гончару 75 : сборник материалов / Сост. В. Яворинский, Н. М. Кравченко — Киев : Днепр, 1993. — 214 с.
- Гончар, О. Собрание сочинений : в 5 т. / Олесь Гончар. — Москва: Художественная литература, 1973. — Т. 1 : Знаменосцы: роман-трилогия : рассказы / Пер. с укр. Л. Шапиро. — 504 с.
- Гончар, О. Собрание сочинений : в 5 т. / Олесь Гончар. — Москва : Художественная литература, 1973. — Т. 2 : Земля гудит : повесть. Таврия : роман / Пер. с укр. И. Карабутенко и Л. Шапиро. — 464 с.
- Гончар, О. Собрание сочинений : в 5 т. / Олесь Гончар. — Москва: Художественная литература, 1974. — Т. 3 : Перекоп: роман. Микита Братусь : повесть. Пусть горит огонек: повесть. — 528 с.
- Гончар, О. Собрание сочинений : в 5 т. / Олесь Гончар. — Москва : Художественная литература, 1975. — Т. 4 : Человек и оружие : роман. Циклон: роман. — 568 с.
- Гончар, О. Собрание сочинений в 5 т. / Олесь Гончар. — Москва: Художественная литература, 1975. — Т. 5 : Тронка : роман в новеллах. Рассказы. Литературные статьи — 480 с.
- Гончар, О. Днепровский ветер : рассказы / Олесь Гончар. — Москва: Молодая гвардия, 1971. — 211 с.

- Гончар, О. Перекоп : роман / Олесь Гончар. — Москва: Воениздат, 1980. — 413 с.
- Гончар, О. Собор : роман / Олесь Гончар. — Москва: Советский писатель, 1988. — 272 с.
- Гончар, О. Собор : роман. Твоя заря : роман / Олесь Гончар. — Москва : Художественная литература, 1990. — 654 с.
- Гончар, О. Твоя заря : роман / Олесь Гончар. — Москва : Советский писатель, 1982. — 400 с.
- Гончар, О. Человек и оружие : роман. Циклон : роман / Олесь Гончар. — Москва : Художественная литература, 1990. — 558 с.
- Гончар, О. Чем живем : на пути у украинскому возрождению / Олесь Гончар. — Киев : Радянський письменник, 1991. — 382 с. — На укр. яз.
- Гуманистическая идея в новеллах Олеся Гончар : [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://schooltask.ru/gumanisticheskaya-ideya-v-novellax-olesya-gonchara/> — 29.08.2013.
- Зобенко, М. О. Украинское небо Олеся Гончара / М. О. Зобенко. — Львов : Украинский письменник, 2003. — 175 с.
- Идея духовного богатства человека в романе Олеся Гончара «Собор»: [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.testsoch.info/ideya-duhovnogo-bogatstva-cheloveka-v-romane-olesya-gonchara-sobor/> — 29.08.2013.
- Коваль, В. П. «Собор» и вокруг собора / В. П. Коваль. — Киев : Молодежь, 1989. — 272 с.
- Литература народов СССР : книга для чтения в средней школе / Сост. П. Ф. Славгородский — Москва : Просвещение, 1966. — 576 с.
- Масенко, Л. Т. Украинские имена и фамилии / Л. Т. Масенко. — Москва : Знание, 1990. — 77 с.
- Наенко, М. К. Красота верности. В творческом мире Олеся Гончара / М. К. Наенко. — Киев : Днепр, 1981. — 216 с.
- Погребной, А. Г. Олесь Гончар: очерк творчества / А. Г. Погребной. — Киев : Днепр, 1987. — 242 с.

- Семенчук, И. Г. Олесь Гончар — художник слова / И. Г. Семенчук. — Киев : Днепр, 1986. — 260 с.
- Слово Олеся Гончара : очерки, статьи, письма, эссе, исследования / Сост. В. К. Коваль. — Москва : Советский писатель, 1988. — 647 с.
- Символичность романа Олеся Гончара «Собор»: [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.litrasoch.ru/simvolichnost-nazvaniya-romana-olesya-gonchara-sobor/> — 29.08.2013.
- Творчество Олеся Гончара : [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.school-essays.info/tvorchestvo-olesya-gonchara/> — 28.08.2013.
- Фащенко, В. Поэтический мир Олеся Гончара / В. Фащенко. — Киев : Днепр, 1978. — 315 с.

Контактная информация

Государственное казённое учреждение культуры
Свердловской области «Свердловская областная межнациональ-
ная библиотека»

620146, г. Екатеринбург,
ул. Академика Бардина, 28

Тел. (343)243-17-05

Факс: (343)243-17-00

E-mail: somb@somb.ru
Сайт библиотеки: www.somb.ru

Расписание работы библиотеки:
пн., вт., чт., пт.- 10.00- 19.00
ср. - 12.00-19.00
вс. - 10.00-17.00
сб. - выходной
последний рабочий день месяца - санитарный день

